

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК341.01
ББК 67.9

АВТОНОМИЯ ВОЛИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРИМЕНЕНИЮ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ

Ю. В. Блинова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В настоящей статье рассматриваются возможности применения автономии воли при определении права, подлежащего применению к определению правового положения лиц. Автор приходит к выводу, что сегодня в российском коллизионном законодательстве автономия воли лишь в исключительных случаях находит место при определении права, подлежащего применению к определению правового положения физических и юридических лиц, что в немалой степени связано с негативным отношением законодателя к сделкам, направленным на ограничение правоспособности и дееспособности. С другой стороны, расширение правоспособности или дееспособности лиц на основе иностранного закона равным образом не всегда находит консенсус у отечественного правоприменителя.

Ключевые слова: автономия воли, правовое положение физического лица, правовое положение юридического лица, личный закон, правоспособность, дееспособность, полный (частичный) отказ от правоспособности и дееспособности.

PARTY AUTONOMY AND DETERMINING THE LAW TO BE APPLIED TO DETERMINING THE LEGAL STATUS OF PERSONS

Yu. V. Blinova

Altai State University (Barnaul, Russia)

In this article, the author examines the possibilities of using party autonomy in determining the law to be applied to determine the legal status of persons. The author concludes, today in Russian conflict of law legislation party autonomy only in exceptional cases finds a place when determining the law to be applied to determine the legal status of individuals and legal entities, which is largely due to the negative attitude of the legislator to transactions aimed at limiting the passive legal capacity and active legal capacity. On the other hand, expanding the passive legal capacity or active legal capacity of persons due to a foreign law does not always find consensus among domestic law enforcement officials.

Keywords: party autonomy, legal status of an individual, legal status of a legal entity, personal law, passive legal capacity, active legal capacity, complete (partial) waiver of passive legal capacity and active legal capacity.

DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)2.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)2.7)

На сегодняшний день принцип автономии воли занимает центральное место в системе коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. При этом приоритет принципа автономии воли во многих отраслях права и для многих видов частноправовых отношений признается как в российском, так и зарубежном законодательстве о международном частном праве.

Как пишет Г. Рюль, «в начале XX века право сторон выбирать применимое право было весьма спорным вопросом с обеих сторон Атлантики. В Европе ... суды разошлись в вопросе о свободе выбора права: в то время как судьи в Англии, Германии и Франции в целом склонялись к автономии воли, их коллеги в других государствах относились к принципу более враждебно. Европейское академическое сообщество аналогичным образом раскололось: некоторые ученые следовали за судами и поддерживали свободный выбор права сторонами, но многие видные коллизионисты не позволяли сторонам обходить применимое право. По сути, последние утверждали, что стороны не могут подняться над законом, выбирая другое право ... Однако уже в 60-е годы ... свобода выбора сторон стала общепризнанной. Окончательная же победа пришла в 1980 году, когда принцип автономии воли был включен в Римскую конвенцию» [14].

Принцип автономии воли в советский период присутствовал в отечественном законодательстве в виде классической оговорки к статье 566 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года «если иное не установлено соглашением сторон» и регулировал исключительно внешнеторговые сделки. Затем, с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года, он распространил свое действие на внешнеэкономические сделки, а с появлением в 1995 году Семейного кодекса Российской Федерации — на брачно-семейные отношения [13, с. 4–5].

В российское международное частное право (часть третья, раздел VI Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ, далее — ГК РФ) современного периода принцип автономии воли вошел в 2001 году и имел широкое применение в договорных обязательствах (ст. 1210 ГК РФ). Что касается обязательств не из договора, то там автономия воли носила первоначально ограниченный характер — сторонам дозволялось выбрать при определенных обстоятельствах закон суда (п. 3 ст. 1219 ГК РФ (в ред. от 26.11.2001)).

Эра автономии воли наступила с принятием Федерального закона от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», когда практически все виды частноправовых отношений были отданы на откуп этой коллизионной привязке, что полностью соответствует цели принятия настоящего закона, в частности, расширению допустимых пределов автономии воли сторон в выборе права [11]. Важным исключением по-прежнему остается состав, охватываемый статьей 1222 ГК РФ, но и здесь, если недобросовестная конкуренция затрагивает исключительно интересы отдельного лица, то применение автономии воли не возбраняется.

Другой эксклюзивной сферой, почти не регулируемой принципом автономии воли, остается правовое положение лиц. В коллизионном регулировании этот запрет приводит к установлению самим законодателем четких правил определения права, подлежащего применению к определению правового положения физических и юридических лиц. Например, в России генеральной привязкой для определения права, подлежащего применению к определению правового положения физических лиц, выступает закон гражданства, субсидиарной — закон места жительства (закон domicilia), в исключительном случае (и для отдельных аспектов правового статуса) используется закон суда (ст. 1195 ГК РФ и др.); право, подлежащее применению к определению правового положения юридических лиц, устанавливается на основе закона места учреждения юридического лица, субсидиарно — закона места осуществления хозяйственной деятельности, теории контроля, латентно применяется закон места нахождения органов управления (п. 1, 4 ст. 1202, п. 2 ст. 54 ГК РФ, ст. 8 федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

И говоря о личном законе физического лица, Ю. Э. Монастырский не без оснований утверждает, что «никакой сравнимой по устойчивости третьей привязки найти невозможно, так как качество субъекта имущественного оборота производно либо от членства в гражданском обществе, подданства, выборных прав, либо от того, что субъект ввиду своей естественной и профессиональной деятельности связан с местом своего основного проживания» [8, с. 222], соответственно, об автономии

воли как коллизионной привязке для определения правового положения физического лица закон и автор молчат.

Тем не менее даже в случае множественности или недостаточности признаков, релевантных для определения права, подлежащего применению к определению правового положения физических лиц (несколько гражданств, разные гражданство и место жительства, отсутствие гражданства и места жительства и проч.), только законодатель по общему правилу вправе устранять фактическую и юридическую неопределенность (п. 2–4 ст. 1195, ст. 1202 ГК РФ).

В целях снятия неопределенности законодатели прибегают к различным критериям: в целях определения права, подлежащего применению к определению правового положения физических лиц, используются место жительства, место обычного проживания, тесная связь или, наконец, закон суда, что закреплено в коллизионном законодательстве многих стран. В частности, в силу пункта 2 статьи 8 Закона № 10428 от 2 июня 2011 г. о международном частном праве Албании если иностранный гражданин имеет два и более гражданства, то применяется право государства гражданства, в котором это лицо имеет обычное место жительства [9, с. 42]. Согласно же статье 1015 Кодекса о лицах и семье Буркина-Фасо положение апатрида регулируется правом его места жительства всякий раз, когда последующие положения указывают на право гражданства; в отсутствие места жительства — правом суда [9, с. 196]. Пункт 1 статьи 9 Закона Республики Азербайджан о международном частном праве предписывает: если у лица есть несколько гражданств, личным законом физического лица является право того государства, с которым оно наиболее тесно связано [9, с. 36].

Аналогичным образом юридическая неопределенность устраняется в целях определения права, подлежащего применению к определению правового положения юридических лиц, о чем свидетельствуют зарубежные коллизионные нормы: в силу статьи 56 (1–2) Кодекса международного частного права Болгарии юридические лица регулируются правом государства, в котором они зарегистрированы. Если для учреждения юридического лица регистрация не требуется или оно зарегистрировано в нескольких государствах, то применяется право государства, в котором согласно уставу находится его местонахождение [9, с. 152]. По пункту 693 (3) Национального Гражданского Закона Непала от 2017 года дееспособность или статус юридического лица определяется в соответствии с правом страны, в которой оно зарегистрировано, а если невозможно установить страну его регистрации, то в соответствии с правом страны, в которой находится управление такого юридического лица, а если невозможно установить такую страну, то в соответствии с правом страны, в которой находится место деятельности такого юридического лица [9, с. 535]. Приведенные примеры действующего коллизионного законодательства демонстрируют факт, что сегодня законодатели не склонны отдавать решение вопроса правового статуса на усмотрение самого лица.

Ретроспективный взгляд на рассматриваемую в статье проблему обязывает внести уточнение: в период раннего средневековья соглашения сторон, в том числе по поводу личных прав, не были редкостью: по словам Ф. Ф. Мартенса, «в королевстве франков алеманец жил по своим законам; саксонец по своим; римлянин по своим. Не имея силы подчинить частно-гражданские права побежденных одному закону, варвар-победитель узаконил систему личных прав в отношениях между своими подданными. Все права, как личные, так имущественные и обязательственные определялись в эту эпоху законами происхождения заинтересованных лиц. Задача суда состояла в применении к тяжущимся их национальных законов. При различном происхождении тяжущихся вошло в обычай спрашивать, по какому закону они желают быть судимы» [7, с. 269].

Пожалуй, единственное исключение (на российской почве) в вопросе компетенции по устранению юридической неопределенности в части определения права, подлежащего применению к определению правового положения физических лиц, установлено сегодня в пункте 3 статьи 156 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ: к условиям заключения брака при наличии у лица гражданства нескольких иностранных государств применяется *по выбору данного лица* (курсив авт.) законодательство одного из этих государств. Обращают на себя внимание факты: во-первых, речь идет только об иностранных гражданах (не апатридах); во-вторых, при осуществлении выбора права одним лицом автономия воли реализуется в ограниченном объеме (например, п. 1 ст. 1221 ГК РФ).

В отношении физических лиц запрет определения права, подлежащего применению к определению правового положения физических лиц, с помощью автономии воли поддерживается в материаль-

ном праве пунктом 3 статьи 22 ГК РФ, согласно которому полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом. По мнению А. В. Мыскина, «постоянное наличие в правовом арсенале физического лица категории правоспособности — это такой же объективный юридический закон, как и физический закон гравитации или биологический закон постепенного старения любого живого организма. Правоспособность — это не та юридическая конструкция, от которой можно отказаться, передать, совершить в отношении нее сделку, модифицировать или приспособить под складывающиеся жизненные обстоятельства... Потеря (ограничение) правоспособности — это превращение человека в бесправное существо, раба, объект оборота (товар), человека вне закона» [10].

Договорное самоограничение правоспособности имеет место в случае прямого разрешения законодателя: статья 188.1, пункты 1, 2 статьи 1007 ГК РФ; пункт 3 статьи 8 федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»; статья 32.1 федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и др. Очевидно, в отсутствие законодательного разрешения следует исходить из того, что самоограничение правоспособности — это всегда «явление исключительного характера и ... средство выравнивания и гармонизации имущественных прав и интересов сторон, а не подавления их юридической личности» [10]. Вместе с тем, необходимо заметить, что в ГК РФ нет запрета на движение в другую сторону — расширение правоспособности или дееспособности: законодатель сам предусматривает такие случаи как для физических (п. 1 ст. 27, п. 2 ст. 1197 ГК РФ; п. 3, 5, 6 ст. 1195 ГК РФ), так и юридических лиц (п. 3 ст. 1202 ГК РФ). И повторим: нет запрета и на ограничение правоспособности или дееспособности юридических лиц [12].

Если в части расширения дееспособности, доведения ее до необходимого объема, думается, нет особых сложностей (осуществляется на постоянной основе или разово), то расширение правоспособности физического лица требует оговорок. Общим правилом выступает наделение иностранных граждан (лиц без гражданства) правоспособностью, которая все же несколько меньше таковой российских граждан (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, ст. 1196 ГК РФ). Наделение иностранных граждан (лиц без гражданства) правоспособностью наравне с российскими гражданами или выше следует сегодня в основном из международного договора, ранее — в том числе из национального законодательства: как известно, в Русской Правде зафиксированы наиболее древние привилегии чужеземцев — приоритет в конкурсном производстве (*privilegium exigendi*) и право не приводить свидетелей (*Privilegium de non adducam testes*). Однако на сегодняшний день расширение правоспособности иностранных граждан неохотно осуществляется иностранным законодателем, с одной стороны; с другой стороны, отечественный правоприменитель не считает нужным признавать это расширение правоспособности, произошедшее за границей, что особенно актуально для юридических лиц и их филиалов.

Забегая вперед, отметим, что сказанное справедливо и в отношении юридического лица: в научном сообществе давно признан тезис, что правоспособность юридического лица, рассматриваемого субъектом международного частного права, не регулируется только его личным законом, напротив, имеет значение и закон места осуществления хозяйственной деятельности [5, с. 165]. О. В. Кадышева в этой связи уточняет: «Признание правоспособности по личному закону не исключает ее ограничения на основе положений публичного права государства, в котором рассматривается вопрос, но только по самым строгим препятствиям, т. е. по очень ограниченному кругу оснований» [3, с. 16]. На разделении внутренних (создание юридического лица, права и обязанности его участников и др.) и внешних (правоспособность и дееспособность юридического лица, полномочия его органов и др.) правоотношений юридического лица настаивает и создатель учения о дифференцированности Г. Грасман: для внешних правоотношений юридического лица действует другая коллизионная привязка [цит. по: 3, с. 140]. Следовательно, исходная правоспособность юридического лица будет модифицироваться иностранным законом, где юридическое лицо осуществляет хозяйственную деятельность.

В настоящее время (после реформ 2013 года) помимо названного выше возможность заключения сделки по смыслу пункта 3 статьи 22 ГК РФ (опосредованное действие) следует, например, из предоставления пункта 4 статьи 1219 ГК РФ: стороны могут сами определить деликтный статут, который в силу статьи 1220 ГК РФ охватывает, в частности, способность лица нести (внедоговорную) ответ-

ственность за причиненный вред. Последнее является не чем иным, как дееспособностью (деликтоспособностью), следовательно, изменяя законный деликтный статут, определяемый как общее правило по месту причинения вреда, стороны изменяют и дееспособность (деликтоспособность) как таковую. Соответственно, можно утверждать, что в трансграничных деликтах стороны в силу допущения закона вправе изменять дееспособность (деликтоспособность). Важно учитывать, что положения пункта 4 статьи 1219 совместно со статьей 1220 ГК РФ относятся не только к физическим, но и юридическим лицам. К слову: аналогичная норма содержится в статье 14 Регламента № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам.

Что касается права, подлежащего применению к определению правового положения юридических лиц, то здесь по-прежнему практически нет места автономии воли сторон, хотя идея отдать личный закон юридического лица на усмотрение частных субъектов не нова и предлагалась ранее французскими учеными П. Арминьоном и Ж. Мазо [цит. по: 2, с. 113]. Среди дореволюционных международников в этой связи часто слышались сомнения: «воля не автономна настолько, что юридическое лицо может иметь ту национальность, которую не хочет признавать за ним национальный законодатель» [1, с. 43].

Начиная с 1 ноября 2013 года российское законодательство о международном частном праве содержит норму, разрешающую выбор применимого права к договору о создании юридического лица (п. 1 ст. 1214 ГК РФ (в ред. от 30.09.2013)), что означает возможность выбора иностранного права к договору о создании юридического лица, учреждаемого в РФ (норма распространяется на юридические лица, создаваемые на основе учредительного договора). Одновременно с этим дозволением объявляются нормами непосредственного применения по смыслу статьи 1192 ГК РФ нормы пункта 2 статьи 1202 ГК РФ [4], что по факту нейтрализует автономию воли сторон в вопросе определения права, применимого к определению правового положения юридического лица, — по словам авторов комментария, в статье 1214 ГК РФ в отличие от статьи 1210 ГК РФ автономия воли сформулирована в «негативной» форме [там же]. Несмотря на ощущение тождественности по духу между нормами пункта 1 статьи 1214 ГК РФ и сюжетом басни «Лиса и Журавль», все же необходимо констатировать некоторую либерализацию коллизионного регулирования правового положения юридического лица, потому как, хотя бы формально, автономия воли в законе прозвучала.

Более реальной для применения выглядит новелла, сформулированная в пункте 4 статьи 1202 ГК РФ, согласно которой вопросы (договорной) ответственности, т. е. дееспособность иностранного юридического лица, осуществляющего хозяйственную деятельность преимущественно в Российской Федерации, могут регулироваться российским правом или личным законом юридического лица (иностранном правом) *по выбору кредитора* (курсив авт.), что по форме сближает эту норму с альтернативными обязательствами (ст. 308.1, 320 ГК РФ).

Коллизионным нормам о юридических лицах корреспондируют сегодня положения в ГК РФ, согласно которым юридическое лицо может быть ограничено в правах лишь в случаях и в порядке, предусмотренном законом (п. 2 ст. 49 ГК РФ). Соответственно, речь идет здесь об установлении специальной правоспособности юридического лица, что не запрещает учредителям или самому юридическому лицу ее ограничить: «Всякие самоограничения, содержащиеся в уставе юридического лица, имеющего общую правоспособность, можно рассматривать как его отказ от реализации субъективного права, предусмотренного законом и составляющего один из элементов его правоспособности» [6, с. 43].

Подводя итог вышесказанному, необходимо указать, что сегодня в российском коллизионном законодательстве автономия воли лишь в исключительных случаях находит место при определении права, подлежащего применению к определению правового положения физических и юридических лиц, что в немалой степени связано с негативным отношением законодателя к сделкам, направленным на ограничение правоспособности и дееспособности. С другой стороны, расширение правоспособности или дееспособности лиц на основе иностранного закона равным образом не всегда находит консенсус у отечественного правоприменителя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брун М. И. Юридические лица в международном частном праве: О личном статусе юридического лица. Кн. 1. Петроград: Типография товарищества «Общественная польза», 1915. 48 с.

2. Вознесенская Н. Н. Юридические лица в международном частном праве России и ЕС // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 109–144.
3. Кадышева О. В. Национальность юридического лица в международном частном праве : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2002. 168 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М. : Контракт, 2014 // СПС Гарант.
5. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. М. : Статут, 2021. 665 с.
6. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут, 2005. 476 с.
7. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. СПб. : Типография Министерства путей сообщения, 1883. 563 с.
8. Международное частное право : учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М. : Статут, 2011. 400 с.
9. Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. М., 2021. 1112 с.
10. Мыскин А. В. К вопросу об ограничении правоспособности физических лиц в гражданском праве // Два очерка из области цивилистики. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/171311-6> (дата обращения: 27.05.2024).
12. Суслов А. А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России // Пролог: журнал о праве. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkaz-ot-pravospobnosti-v-grazhdanskom-prave-rossii> (дата обращения: 27.05.2024).
13. Тригубович Н. В. Автономия воли в международном частном праве : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 1999. 161 с.
14. Rühl G. Party Autonomy in the Private International Law of Contracts: Transatlantic Convergence and Economic Efficiency. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/232618486.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).